

АЛЕКСАНДР
ДРАБКИН

20 лет в условиях неочевидности

Очерки, рассказы, зарисовки
о Биробиджане криминальном

УДК 42-31
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-44
Д72

Драбкин Александр Леонидович
Д72 20 лет в условиях неочевидности

Очерки, рассказы, зарисовки
о Биробиджане криминальном

Биробиджан, 2022. – 160 с.

Редактор: Н. А. Костюк
Художник: В. А. Цап
Корректор: З. М. Бугрова
Вёрстка: В. Е. Богданов

Консультанты:
Ветеран МВД полковник милиции в отставке
М. Г. Спиваков
Ветеран МВД полковник милиции в отставке
А. Г. Пархоменко

ISBN 978-5-88570-471-7

© А. Л. Драбкин, текст, 2022
© В. А. Цап, иллюстрации, 2022

Слово автора

Мне казалось, всё уже рассказал, о чем хотел, погрузил, вспомнил-посмеялся, никому никаких оценок не ставил, разве что себе — двойку за поведение, за бестолковость, за то, что с годами всё чаще один. Иногда, вопреки советам детей, путешествую, но не по городам и странам, как модно сейчас, а навещаю детство, где жива еще мама, и друзья мои крепки и здравствуют, и женщины без морщин и болячек, и смотришь на них без печали и грусти, вздыхая «...а какая была...». Иногда, побывав в той, другой эпохе, просыпаюсь с неохотой, злюсь: никто, никуда не зовет, даже будильник. Какого черта?

Однажды мы ехали в одной машине с прокурором области Сергеем Куденевым. Как раз мимо нашего старого дома ехали.

— Вот здесь прошло мое бесштанное детство, — сказал я ему.

— Не нужно этим кичиться, — почему-то ответил он.

Разве детством можно кичиться, уже про себя подумал я, детство можно только любить.

Мама работала на текстильной фабрике в три смены и иногда оставляла меня в круглосуточной группе, потому что папа ездил в какие-то командировки. Однажды он вернулся чуть раньше и пришел забрать меня из садика. Вся группа сидела за ужином, и только я сидел отдельно на стульчике. Папа спросил, почему я не кушаю, и я ответил, что всем дали кушать, а мне — нет. Оказывается, меня не занесли в какой-то обязательный список. Узнав это, папа схватил воспитателя за горло, и неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы не вмешались другие работники детского сада и не оттащили его от жертвы. Милицию не вызывали, и папа остался на свободе. Он любил меня, сейчас я это понимаю. Его уже давно нет в живых, а я понял только сейчас, когда прожил большую часть жизни, двадцать два года из которой разбирался в обстоятельствах различных по своей тяжести преступлений, где расцветали, старели, а после ломались и обрывались даже чьи-то жизни, счастливые и не очень.

Это был другой Биробиджан, далекий от того, к которому я прикасаюсь памятью.

Если честно, криминальный Биробиджан и его окрестности меня, как автора рассказов, всегда вдохновляли меньше всего. Раньше я с удовольствием писал о бабушках, сидевших на скамейках и говоривших на идише, о чудаках евреях, с их печальными и веселыми историями. Это был старый любимый мной город. А всякие там представители криминальной общественности, где есть «смотрящие» — главенствующие в этой среде, «черные» — приверженцы уголовных понятий и законов, «красные» — лица, ранее сотрудничавшие с правоохранительными органами, бывшие представители власти, «мужики» — сидельцы-работяги — все они меня, как автора книжек, интересовали меньше всего. После девяностых всё смешалось: законы и понятия, порядочность и беспредел. Но люди остались прежними, они живут, даже когда их плохо лечат, радуются жизни и плачут, иногда просто оттого, что нечего выпить. Случается, они совершают какие-то преступления, попадают за решетку, живут там и ведут себя каждый по-своему. Это тоже кусок Биробиджана, и мне вдруг показалось, что и он может быть интересен читателю.

